

А.Н. Гаращенко

В.С. МАНАССЕЙН — ИСТОРИК И КРАЕВЕД, ПЕРВЫЙ ИСТОРИОГРАФ КУПЦОВ БАСНИНЫХ

За десять лет, прошедших со времени наших первых публикаций о Владимире Сергеевиче Манассейне как историке и краеведе¹, появился ряд статей, рассматривающих его деятельность как историка местной промышленности, библиографа, директора библиотек вузов Иркутска². Вероятно, интерес к Манассейну, проявленный исследователями, определяется тем вкладом, который он внес в историческую науку и развитие библиотечного дела.

Нельзя сказать, что В.С. Манассейна совершенно забыли после его смерти. В 1969 г. была даже выпущена одна из его работ — «Книжные собрания Иркутска в XVIII и первой половине XIX столетия»³. Справка о нем, в числе многих других, была включена В.А. Николаевым в биобиблиографический словарь «Библиографы Сибири и Дальнего Востока», вышедший в 1973 г.⁴, в котором автор дал краткие сведения о почти 100 персоналиях. Каждая справка сопровождается списком научных и библиографических трудов, а также перечнем литературы о представленном исследователе. К сожалению, приведенные в книге данные о Владимире Сергеевиче очень скудны, а библиографический список не полон.

На статьи В.С. Манассейна иногда ссылались специалисты в своих работах, но его рукописи продолжали лежать неопубликованными на архивных полках. Не забывали Манассейна, наверное, только сотрудники библиотек Иркутского государственного университета и Иркутского политехнического института (ныне технического университета). Его фамилия включена в книги по истории ИГУ. Например, в вышедшем в 1998 г. к юбилею университета большом труде «Иркутский государственный университет. 1918–1998. Хроника событий» помещены очень скупые и частично ошибочные данные о В.С. Манассейне⁵.

Представления о научном наследии В.С. Манассеина останутся неполными до тех пор, пока не будет опубликован весь объем работ, написанных этим исследователем, о которых знает только узкий круг специалистов.

Но сначала обратимся к биографии Манассеина.

В.С. Манассеин⁶ родился 20 июля 1878 г. в Казани в семье мирового судьи Сергея Вячеславовича Манассеина. Владимир Сергеевич писал: «Отец 45 лет прослужил выборным мировым судьей, был видным городским общественным деятелем в Казани»⁷. Но перед тем, как обосноваться в губернском городе, по данным «Адрес-календаря...» за 1881 г., он значится мировым судьей 2-го участка в Чебоксарском уезде⁸. К 1889 г. Сергей Вячеславович уже перебирается в Казань, обзаводится собственным домом на Грузинской улице и становится участковым мировым судьей 4-го участка⁹. Вероятно, авторитет, знания и опыт снискали уважение к нему жителей города, потому что к 1893 г. он избирается гласным городской думы, оставаясь и мировым судьей¹⁰. Не чужд был Сергей Вячеславович и литературной деятельности. В 1905 г. в журнале «Русская старина» публиковалась его статья «Граф Д.А. Толстой в Казани (По личным воспоминаниям и рассказам старожилов)»¹¹ о ревизии Толстым в сентябре 1866 г. учебных заведений Казани.

Сам Владимир Сергеевич так же был наделен тягой к знаниям, творческому поиску, был увлекающимся человеком, и неизвестно, каких высот он мог достичь, если бы не революция.

Относительно своего образования он сообщал следующее: «Окончил бывшее Николаевское военно-инженерное училище в Петербурге¹² и Казанский университет по юридическому факультету (в 1911 г.)»¹³. К этому нужно добавить, что первоначально будущий историк учился в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе, а в Николаевском инженерном училище завершил курс трех классов по первому разряду¹⁴. Как выпускник Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса, Манассеин должен был проходить военную службу и поэтому был принят в инженерное училище юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося с 1 сентября 1896 г. Служба его считалась с 1 октября 1896 г., а через год он был уже унтер-офицером. По окончании училища Высочайшим приказом от 9 августа 1897 г.

произведен в подпоручики и назначен в 4-й Саперный батальон, размещавшийся в Гродненской губернии. 1 ноября 1901 г. ему присвоено звание поручика, а 1 октября 1905 г. — штабс-капитана (подробный послужной список В.С. Манассеина приводится в приложении). Манассеин не участвовал в боевых действиях, как свидетельствует формулярный список, и из наград имел только орден Св. Станислава 3-й степени (04.01.1906). Служба Владимира Сергеевича закончилась в 1907 г. Он подал в отставку (ушел в запас) по собственному желанию, как отмечал позднее, «по антимилиитаристическим соображениям»¹⁵. Эта же дата указывается в исследовании профессора В.Н. Черепицы¹⁶. О причине увольнения Манассеин обмолвился кратко, один раз на заседании комиссии по чистке аппарата Союззолото 24 октября 1930 г.: «Принимал участие в революционном восстании в 1906 г., было вынесено много приговоров на участников рев[олюционного] движения, а у меня в роте ни одного даже не арестовали, и когда мне было предложено идти на восстание с частью, я отказался от подавления восстания революционных солдат, благодаря чего получил отставку»¹⁷. Вероятно, уход был далеко не добровольным, вряд ли начальство могло оставить без внимания такой проступок офицера, как неподчинение приказу. Дополнительные сведения о поведении Владимира Сергеевича в те беспокойные дни дает следующий любопытный документ, подписанный Паршутю, преподавателем иркутского техникума физкультуры.

«Настоящим уведомляю, что во время отбывания мною действительной военной службы в 4 Саперном батальоне, при выступлении батальона с требованиями политического характера в 1906 г. В.С. Манассеин, будучи командующим 1-й Саперной ротой, выступил вместе со своею ротой.

Летом того же года, когда в результате неудачного выступления в лагерях 2-й Саперной бригады пострадало 190 человек (смертные приговоры, каторжные работы, дисциплинарный батальон, военная тюрьма и т.д.), из 1-й роты никто не пострадал ввиду того, что выступавшие из роты В.С. Манассеина последним были скрыты.

Мне известно, что когда формировали в Гродно полевой суд, то гр. Манассеин, будучи назначен в состав этого суда, категорически отказался от участия в суде.

Когда 4-й Саперный батальон был намечен к отправке для усмирения восстания в Прибалтийский край, то Манассеин от имени батальона заявил, что батальон на усмирение не пойдет.

Служа в 1-й Саперной роте 4-го Саперного батальона в 1905/06 г., в период крайне обостренных отношений между офицерами и солдатами, могу удостоверить, что Манассеин, благодаря своему гуманному отношению к нижним чинам, а также и благодаря тому, что он стоял на стороне революционно настроенных нижних чинов, он пользовался общими их любовью и уважением»¹⁸.

К этому времени он женился на Лидии Ивановне Комиевской (?), дочери статского советника, а с оставлением службы у Владимира Сергеевича появляется желание вернуться на родину и поступить на юридический факультет Казанского университета. Профессор В.Н. Черепица передает следующую версию: «В начале XX в. широкой популярностью среди любителей истории в Гродненском гарнизоне пользовался штабс-капитан 171-го Кобринского пехотного полка В.С. Манассеин... Его труды “Исторический очерк Гродненской губернии в военно-политическом отношении” (Гродно, 1902 г.), “Петр I и Карл XII под Гродно в походе 1706 года” (Гродно, 1903 г.) в значительной степени обогатили представление гродненцев о некоторых событиях военной истории края. В 1907 г. штабс-капитан Владимир Манассеин был переведен для службы в другой гарнизон. Однако существует версия, что этот перевод являлся откомандированием в Петербург для написания истории родного полка. Так ли это? Но такая версия существует»¹⁹.

Возможно, во Владимире Сергеевиче победила тяга к творческой деятельности, к научному поиску, ведь именно во время службы в Гродненской губернии он написал ряд научных работ (уделив особое внимание крестьянскому вопросу), положивший начало его деятельности как историка и библиографа. В этот период объектом его изучения стала Гродненская губерния, по результатам исследования которой Манассеин опубликовал три статьи²⁰ (по другим данным — шесть)²¹. Хотя для молодого военного это был первый опыт научно-исследовательской деятельности, его статьи получились достаточно объемными и свидетельствуют о серьезности в подходе автора к предмету

исследования. Эти публикации показывают интерес автора к научному поиску, анализу происходивших событий, бережное отношение с фактическим материалам. Можно говорить и о том, что именно научные изыскания подтолкнули Манассеина к активному занятию и общественной работой.

В конце XIX–начале XX вв. царское правительство (в целях утверждения незыблемости власти и прославления военной мощи армии) активизировало строительство крепостных, гарнизонных и полковых церквей. В 1900 г. особой комиссией, созданной при Главном штабе армии, был разработан образцовый проект войсковой церкви достаточной вместимости и сравнительно невысокой стоимости. Это — небольшая пятиглавая церковь с трапезной и высокой шатровой колокольной, выполненная в «кирпичном» стиле. Первая такая церковь была построена в 1901 г. в Новом Петергофе для Каспийского пехотного полка, а уже в декабре 1901 г. состоялось высочайшее повеление: «Установить на будущее время к исполнению правило, чтобы... православная церковь в виде отдельного здания была неперменной принадлежностью казарм тех частей войск, по штатам коих положены церковные причты». В 1901 г. на нужды церковного строительства в Военном ведомстве было отпущено 200 тыс. р., в 1902 и 1903 гг. — по 450 тыс., в дальнейшем ежегодно выделялось по 100 тыс. За это время появилось столько войсковых храмов, сколько их не было построено за два предыдущих столетия. В каждом из них считалось необходимым устройство небольшого мемориала и музея.

Подготовка к церковному строительству шла и в частях Гродненского гарнизона. Образцовый проект для войск Гродненского гарнизона был переработан местным военным инженером И.Е. Савельевым, и строительство началось, однако его ход был прерван Русско-японской войной. Но замедлившиеся в начале войны работы по возведению гарнизонной церкви впоследствии значительно активизировались. Более того, «отцы города» пришли к решению «считать необходимым устройство при строящемся храме музея и небольшого мемориала», где были бы собраны дорогие реликвии, куда, как на родную могилу, могли бы прийти родственники погибших и просто люди, кто хотел поклониться подвигу героев. Манассеин активно участвовал, совместно с другими историками и краеведами, в работе пре-

вращении гарнизонной церкви в комплекс, включающий в себя Свято-Покровский храм (построен в период 1904–1907 гг.) для поминовения павших и музей²².

К 1905 г. относится и опыт Манасеина как публикатора, он пишет предисловие к воспоминаниям своего дяди И.И. Венедиктова «За шестьдесят лет. Воспоминания»²³. Приобретенный Владимиром Сергеевичем в Гродно опыт научно-исследовательской и общественной работы получит дальнейшее развитие позднее в Иркутске, когда это станет его основной деятельностью.

На выбор Манасеиным второго образования, и именно юридического, могли повлиять разные причины, наверное, не последним мотивом в принятии такого решения послужило и то, что такое образование имели его отец, бывший мировым судьей, и уже упоминавшийся выше Николай Авксентьевич Манасеин, достигший серьезных высот на этом поприще. Но, думается, не карьерный рост подвигал Владимира Манасеина, хотя и в этом не видится ничего плохого, а скорее стремление полнее реализовать свой потенциал, свои знания, способность к аналитическому мышлению и желание находиться в гуще событий общественной жизни. Возможно, не случись революции, мы могли бы говорить о нем как об известном юристе-правоведе, историке права и талантливом педагоге. Но это только предположения.

Итак, в 1907 г. В.С. Манасеин становится студентом юридического факультета Казанского университета. За время пребывания в вузе он написал два медальных сочинения, за которые получил серебряную и золотую медали. А в 1911 г., после окончания обучения, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию²⁴, в это же время он принимает участие в работе университетского «Общества археологии, истории и этнографии». Таким образом, можно говорить о том, что зародившийся в период армейской службы интерес к историческим знаниям, историческому поиску получает свое развитие.

Непременным условием получения в России магистерской и докторской степени до 1918 г., по положению 1884 г., являлась подготовка научной квалификационной работы — диссертации. Но в 1914 г., когда Манасеин должен был уже сдавать магистерские экзамены, началась война, прервавшая его научную работу. Как бывший офицер он был мобилизован и назначен в штаб

инспектора инженерной части Казанского военного округа, где и прослужил всю войну, там же оставался (в должности начальника штаба) и после февральской революции, а также после Октябрьской, вплоть до расформирования штаба в апреле 1918 г.

Освободившись в 1918 г. от военной службы, Владимир Сергеевич поступил в казанский Комиссариат государственного обеспечения — на должность инспектора детских домов в Казани. Трудное было время. Манассеину нужно было содержать семью, к 1907 г. у Манассеиных была уже дочь Наташа²⁵, а в 1910 г. родился и сын Юрий²⁶. Но мирной жизни не получилось.

В августе 1918 г., после взятия Казани армией Комитета учредительного собрания, он вновь был мобилизован и отправлен сначала в Самару, а потом в Омск, где и застал его Колчаковский переворот. В Омске служил в Инженерном Управлении. Здесь, в армии А.В. Колчака, В.С. Манассеин получил чин подполковника, который ему припомнят, как и всю службу в последующем. В 1919 г. Управление было эвакуировано в Иркутск, здесь после захвата власти политическим Центром оно перешло в состав 5-й Советской Армии, и Владимир Сергеевич 25 января 1920 г. был назначен начальником административного отдела этого управления. Как известно, мобилизацию в свои ряды, и далеко не добровольную, проводили как белые, так и красные. И тем, и другим были нужны специалисты. Манассеин не участвовал ни в военных действиях, ни в карательных операциях, наоборот, как он сам отмечал, «собирал деньги на голодающих, организовал столовые в татарских деревнях, состоял в разных общественных организациях и работал в них»²⁷, иначе он не был бы привлечен к службе в Красной Армии, за этим строго следили органы ЧК и политуправления²⁸. В этой должности он оставался до июля 1920 г., когда, «вследствие мобилизации вузов Сибири, был откомандирован как бывший профессорский стипендиат в Иркутский университет». И началась его мирная жизнь. С 24 апреля 1920 по 1922 г. он — профессорский стипендиат (подготовка к магистерскому экзамену по кафедре учения о развитии права²⁹). В 1922 г. сдает магистерский экзамен и избирается преподавателем Иркутского университета (с середины 1922 г. он значится в списках преподавателей университета³⁰), а затем заведующим кафедрой учения о развитии права³¹.

По его личным сведениям, он имел звание магистра и «был преподавателем университета по кафедре истории права (1922–1925)»³². Читал лекции по истории русского права на факультете общественных наук. Для этого им были разработаны учебные программы курсов: «Общее конституционное праву и Конституция РСФСР», «Церковь и государство — их взаимоотношение», «История русского права», «Государственное право»³³. Он также заведовал кабинетом истории развития права.

Помимо преподавательской деятельности, на Владимира Сергеевича был возложен ряд других обязанностей. Например, распоряжением ректора он был назначен заместителем представителя университета, профессора М.К. Азадовского, в комиссию по подготовке празднования 100-летия восстания декабристов. А так как Азадовский очень часто и продолжительно отсутствовал, то Манассеину фактически все время приходилось принимать участие в работе этой комиссии. С закрытием в 1925 г. кафедры, он был избран по всероссийскому конкурсу на должность директора фундаментальной библиотеки университета. Работы на новом поприще было много, и поэтому Владимир Сергеевич просит ректора освободить его от обязанности члена комиссии, предлагая назначить вместо него Р.И. Знаменскую, которая читала специальный курс о декабристах, или кого-либо другого. Просьба была удовлетворена³⁴. В это же время он становится председателем библиографического бюро при библиотеке Иркутского университета³⁵.

В.С. Манассеин включился и в научную и общественную жизнь города.

20 октября 1922 г. была основана историческая секция ВСОРГО, члены которой ставили перед собой множество задач по изучению истории освоения Восточно-Сибирского края, промышленности региона, написанию научных трудов, изданию популярных брошюр, то есть всемерному расширению исторических знаний. Сам Манассеин отмечал: «... в 1922 г. было решено создать в составе Отдела особую историческую секцию, задачей которой должно было быть, во-первых, изучение прошлого Сибири, а во-вторых, охрана памятников местной старины, в чем бы они ни заключались»³⁶. Среди членов секции в основном были ученые иркутского университета: Н.Н. Козьмин, С.Н. Лаптев,

М.К. Одинцова, Н.С. Романов, В.И. Сосновский, П.П. Хороших, а также представители других вузов и общественности города.

Уже через год, в 1923 г., как следует из документов, Манассеин принимает участие в ее деятельности и даже исполняет обязанности товарища ее председателя. Ему оказывается высокое доверие — он избирается делегатом от секции в бюро I-го Восточно-Сибирского краевого съезда (1925 г.), правда, с докладом там не выступает.

В 1926 г. В.С. Манассеин разрабатывает общий план работы секции, который был принят. Члены секции распределили между собой направления исследований. Сам он большое внимание уделял вопросам изучения памятников старины и их учету, а также, совместно с Н.С. Романовым, заявлял о том, что берет на себя разработку и написание истории Иркутска³⁷. О результате работы Владимира Сергеевича можно узнать из отчета секции за 1927 г.: «В исторической секции имеются следующие готовые работы к печати: 1. Манассеин Владимир Сергеевич — Иркутск первой половины 19 в. 3 л.»³⁸.

В это время Манассеин активно занимается краеведческой тематикой, публикует труды, посвященные образованию университета в Сибири, землетрясениям в Восточной Сибири в XVII и начале XVIII столетий. В 1925 г. с историком произошел неприятный случай. Он работал в Казани, Москве и Ленинграде, но наработанные материалы были у него похищены³⁹, что, конечно же, доставило Владимиру Сергеевичу большое огорчение и притормозило работу.

Много внимания секция уделяла изучению экономической истории отдельных предприятий. Особенно эта деятельность усилилась после I-го Сибирского краевого научно-исследовательского съезда (Новосибирск, 1926 г.). Среди первоочередных задач сибирской исторической науки этого времени, как отмечает Д.Я. Майдачевский, было определено монографическое изучение местных промышленных предприятий⁴⁰. Иркутские члены исторической секции ВСОРГО активно включились в эту деятельность. К 1928 г. В.С. Манассеиным была подготовлена работа «Тельминская фабрика. Материалы для истории развития фабрично-заводской промышленности в Восточной Сибири в XVIII и в первой половине XIX столетий. Ч. 1. Первый пе-

риод истории фабрики 1731–1793». Подробный анализ этого труда историка дан Д.Я. Майдачевским⁴¹. Он отмечает, что «для изображения “внутренней” истории фабрики, то есть “описания положения рабочего вопроса и производства” в рассматриваемый период, В.С. Манассеин широко использует нормативные материалы, регулировавшие деятельность суконных фабрик тех лет (“такова была норма закона”), проводит аналогии с производствами, находившимися в “тождественных условиях” (в Иркутске, Казани, Воронеже, Москве). Поэтому приводимые им сведения: о контингенте фабричных рабочих, их социальном положении, половозрастном составе, разделении труда, использовании труда детей, трудовой дисциплине, продолжительности рабочего дня, заработной плате и т.д., большей частью представляют собой реконструкцию, основанную на данных большого числа источников, умело иллюстрируемую отрывочными фактическими данными по исследуемому предприятию. Аналогичный характер носит и та часть главы, посвященной “внутренней” истории фабрики, что рассказывает о производстве: используемом сырье, его качестве и ценах, определяемых ими ценах и качестве “выделявавшихся Тельминской фабрикой солдатского и сермяжного сукна и каразеи”, их количестве.

Однако именно подобный подход к восстановлению прошлого, осуществленный на обширном историческом материале, привел исследователя к ряду важных выводов. Рискованными назвал он, в частности, любые априорные заключения об общем ходе развития сибирской обрабатывающей промышленности, не основанные на “кропотливом собирании и критической проверке исторических фактов”. Всякие обобщения в этой исследовательской области хозяйственной истории должны, на его взгляд, основываться на тщательном изучении истории отдельных предприятий, истории “снизу”.

Пример создания и первых шагов Тельминской фабрики, вопреки складывающемуся в литературе тех лет мнению, “наглядно показывает, что фабричная промышленность в Сибири... не только не являлась источником образования капитала, но даже наоборот, что попытки вложения в нее капиталов, нажитых другими путями — в торговле, в добывающей промышленности и т.д., вели к уничтожению этих капиталов и разорению предпри-

нимателей... время промышленного капитализма для Сибири в XVIII-м веке еще не настало»⁴².

На работу о фабрике в печатном органе ВСНХ СССР «Пути индустриализации» была помещена положительная рецензия Я. Улицкого, в которой, в частности, говорилось: «Автор использовал громадный архивный материал, местный и частью ленинградский. Исследование по архивным источникам является труднейшим делом. Содержание небольшого количества в 36 страниц потребовало очень продолжительной и кропотливой работы. И сейчас, в период, когда фабричным архивам грозит опасность уничтожения, такие работы являются особенно ценными. Нужно приветствовать хорошую работу Манассеина и выразить пожелание о скорейшем выходе в свет остальных частей»⁴³.

В.С. Манассеин трудился, летом 1930 г. ездил в научные командировки в Москву, Ленинград. Как он писал в своем отчете, «В Москве я получил в Управлении Центроархива разрешение на право занятий в архиве и Древлехранилище (на Девичьем поле)⁴⁴. К сожалению, поиски материалов по истории Тельминской фабрики в Московских архивах не увенчались успехом. <...> Но зато в Москве во Всесоюзной Ленинской библиотеке я достал журналы по делам Департамента государственной экономики, в каковых оказалось достаточное количество материалов по интересовавшему меня вопросу (о повинностях рабочих Тельминской фабрики и нек. др.). Кроме того, мною сделаны были там записи и вообще по истории промышленности в Сибири. И, наконец, свое пребывание в Москве частично я использовал для собрания материала еще и по другому вопросу, над которым я работаю, именно по истории книги в Восточной Сибири, в частности, по описанию библиотеки библиофила первой половины XIX в. купца Баснина. Мне удалось разыскать в Москве богатый архив Баснина — содержащий его дневники и переписку. Архив этот, между прочим, устанавливает близкую связь Баснина с некоторыми из декабристов.

В Древлехранилище я ознакомился с содержанием известных Баснинских портфелей, содержащих рукописный материал по истории Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Среди Баснинских материалов мне удалось натолкнуться на исключительно интересные и ценные документы, которые мною будут использованы в работе о Баснинской библиотеке.

В Ленинграде <...> я просмотрел все оказавшиеся налицо дела о Тельминской фабрике за всю первую половину XIX столетия. Все, что было возможно по условиям времени, записал сам, с больших же дел заказал сделать копии и выписки. <...> Кроме этого в Ленинграде я работал в библиотеке Академии Наук над рукописью Лосева, содержащей в числе прочих материалов также описание и Тельминской фабрики.

Вообще, собранный мною материал считаю весьма богатым и имею в виду использовать его для составления второй части истории Тельминской фабрики»⁴⁵.

Но продолжение написано не было. Вместо него историк подготовил большую статью «Из истории Сибирской торговой буржуазии», которую мы предлагаем для публикации. Данная работа, в своем названии претендующая на определенные обобщения в плане деятельности сибирской буржуазии, в большей степени посвящена семейству Басниных и лично В.Н. Баснину как очень яркой и неординарной личности в купеческой среде Иркутска. В ней много материала о культурной деятельности Баснина, а не о его коммерческих занятиях. Манассеин, несмотря на непопулярность в то время изучения быта и нравов купечества, уделил большое внимание этому неординарному человеку, тем самым его можно рассматривать как первого историографа рода Басниных. Рукопись раскрывает роль и значение Иркутска в культурном развитии Сибири, состояние книжного собрания его влиятельных людей, представляет биографию В.Н. Баснина. Сравнение этой статьи с так же неопубликованным материалом «Сибирский библиофил В.Н. Баснин и его библиотека (первая половина XIX века)»⁴⁶ и опубликованной статьей «Книжные собрания Иркутска в XVIII и первой половине XIX столетия»⁴⁷ позволяет говорить о том, что автор использовал собранный материал несколько раз с различными изменениями в зависимости от поставленной темы. Поэтому в этих работах встречаются повторяющиеся фразы и целые абзацы. Но, тем не менее, каждая из них в отдельности интересна определенными фактами, их интерпретацией, указаниями на источники. Мы считаем, что Манассеин пытался максимально использовать накопленный материал, интерпретируя его для написания статей по разным, пускай и близким, темам.

«Собирая материал о В.Н. Баснине и его библиотеке, — писал В.С. Манассеин, — нам удалось разыскать в Москве у одной из его внучек, С.Н. Басниной, архив, заключающий в себе обширнейшую переписку В.Н. Баснина, которую он вел в течение всей своей жизни, являющуюся в то же время и его дневником за период почти в 50 лет. По поводу этих писем сам Баснин в одном из них замечает — “Письма наши к вам есть вместе и дневник жизни нашей ...” Любопытно, что Баснин требовал, чтобы по прочтении все его письма “с верной оказией” возвращались ему обратно, после чего он их переплетал в небольшие томики, благодаря чему и сохранилась почти вся его переписка, а вместе с тем образовался и его архив. Переписка Баснина представляет собою богатый материал для истории русской буржуазии XIX века и заслуживает специального изучения. Но помимо указанного значения переписка эта дает ряд материалов и другого рода. Так, например в 1828 году В.Н. Баснин совершил путешествие в Петербург. Его письма оттуда в Иркутск представляют собою не лишнее интереса описание Петербурга 20-х годов прошлого столетия»⁴⁸.

Просмотрев большой объем источников о роде Басниных, Манассеин писал: «Интересна и генеалогия этого культурного буржуа XIX века, библиофила и меломана. О генеалогии Баснина говорит один из прибрежных утесов на Лене, до сих пор носящий наименование “Баснинской телки”, как там называют эти утесы. Об эту телку, когда-то еще в XVII-м столетии разбилась одна из барж с мукой, которой торговал на Лене родоначальник иркутских Басниных — холмогорский крестьянин, переселившийся в Сибирь с торговыми целями. Отдаленный потомок этого торговца мукой и мягкой рухлядью двести лет спустя переселился из Сибири обратно в Европейскую Россию, привезя с собою оттуда целую коллекцию редчайших листов старых мастеров графики.

В роде Басниных мы наблюдаем совершающееся на протяжении примерно двух столетий превращение бывшего крестьянина, “торгового человека” XVII века, сначала в более крупного торговца, затем в полном смысле слова в коммерсанта, негоцианта, участника “торгового дома” и, наконец, в середине уже XIX столетия потомки этого торгового человека отказываются от своего дела

и меняют свое старинное занятие — один на профессию горного инженера, другой — моряка, третий — юриста и т.д.»⁴⁹.

Необходимо отметить участие В.С. Манассеина в изысканиях по определению места Иркутского острога.

3 августа 1928 г. состоялось заседание комиссии исторической секции ВСОРГО по производству раскопок и обследованию памятников старины города Иркутска. На этом заседании решался вопрос о необходимости в скором времени приступить к раскопкам на месте бывшего Иркутского острога.

Работе предшествовали тяжелые дебаты с противниками раскопок, вылившиеся на страницы местной газеты «Власть труда». Раскопки проводились 26 сентября–10 октября 1928 г. под руководством профессора Сергея Николаевича Лаптева. За этот небольшой период времени было вырыто семь траншей, выполнено свыше 40 фотографий⁵⁰, сделан инструментальный план места. В работе под руководством Лаптева принимали участие многие иркутские ученые, в том числе В.С. Манассеин. Еще на заседании 3 августа, когда принималось решение о проведении раскопок, члену секции В.С. Манассеину было поручено произвести фотосъемку памятников древности (церквей, домов), прилегавших к Иркутскому кремлю. Можно утверждать, что им же был сфотографирован и сам процесс раскопок. Сохранившийся в деле «План северной части города Иркутска, примыкающей к реке Ангаре», составленный, как следует из надписи на нем, профессором Лаптевым, вероятно, был выполнен не без участия того же В.С. Манассеина. Судя по качеству плана, он готовился человеком, хорошо знакомым с картографией и инженерным искусством, а как мы знаем, Владимир Сергеевич был военным инженером. Поэтому как профессионал он мог выполнить эту сложную работу лучше других. А работа была проведена серьезная. Из отчета Лаптева следует: «Предварительно изображение города с плана 1728 г. было перенесено в соответствующем масштабе на позднейший (1923 г.) план г. Иркутска, и таким образом топографически оказалось возможным определить, приблизительно, место острога»⁵¹.

По итогам этих раскопок С.Н. Лаптевым было составлено «Предварительное сообщение о ходе и результатах историко-археологической разведки на месте Иркутского острога (города) и зимовья на острове Дьячем», которое в несколько изме-

ненном виде, дополненное иллюстрациями (план, зарисовки и фотографии) было представлено в готовившийся для печати в 1932–1933 гг. сборник по краеведению⁵². Но этот сборник так и не был опубликован⁵³.

Больше повезло материалам, которые собрал в ходе этой работы и последующих исследованиях В.С. Манасеин. Он написал и издал статью «Иркутский острог (историко-археологический очерк)», которая является одной из лучших, на наш взгляд, публикаций по древней истории города. В ней Манасеин так оценил проведенную работу: «Раскопки эти подтвердили известное уже нам описание Иркутского острога. На глубине, примерно, 25–30 см обнаружен был фундамент провинциальной канцелярии, а также и основания некоторых других построек. Разрыта часть старого кладбища, оказавшегося и по восточную сторону острога, причем гроба в этой части кладбища оказались сделанными из лиственничных колотых досок 5–6 см толщины, сколоченных коваными гвоздями. Но наиболее интересными следами Иркутского острога, обнаруженными при этих раскопках, были сохранившиеся в земле вдоль восточной стороны острога на глубине около 50 см нижние концы тыновой ограды еще первого Иркутского острога XVII столетия»⁵⁴.

Стоит рассказать еще об одном направлении деятельности Владимира Сергеевича, связанном с краеведческой работой.

В 1931 г., когда решался вопрос о сломе Иерусалимского кладбища, городские власти обратились к В.С. Манасеину с просьбой составить список могил и памятников, которые следовало бы сохранить. Думается, что это обращение не было случайным. Манасеин глубоко занимался историей Иркутска, состоял членом краеведческого общества. Владимир Сергеевич отнесся к поручению со всей ответственностью. Им был составлен список с указанием места расположения объектов. В соответствии с этим перечнем, комиссией по охране памятников старины и искусства (ОХРИС) памятники были помечены надписью зеленой краской: «Сохранить КомОХРИС». Манасеин составил аналогичный список и по другим кладбищам Иркутска: Знаменскому, Рабочедомскому, Вознесенского и Знаменского монастырей, и также представил его в городской Совет. В этом же документе были отмечены и те могилы на Иерусалимском кладбище, кото-

рые, несмотря на то, что они вошли в списки, согласованные с музеем, разрушались. Манассеин просил органы власти «установить какой-нибудь надзор за разборкой памятников, так как то, что происходит сейчас на всех иркутских кладбищах, является сплошным безобразием». Об одной могиле, предположительно считавшейся принадлежащей декабристу и разрушавшейся, Манассеин сообщил в Москву, в общество политкаторжан. Но памятники продолжали ломаться. В настоящем издании мы представляем список могил на Иерусалимском кладбище, составленный историком. Очень вероятно, что во время обследования кладбища Владимир Сергеевич производил и фотофиксацию памятников. В Иркутском областном краеведческом музее сохранилось несколько снимков могил, относящихся ко времени начала 1930-х гг. Авторство снимков не определено. Учитывая, что Манассеин уже имел опыт фотосъемки во время раскопок острога, можно с уверенностью утверждать, что эти снимки сделаны им.

1 января 1930 г. он был снят с должности директора библиотеки государственного университета, а позднее, в этом же году, стал директором технической библиотеки вновь созданного Восточно-Сибирского горного института (ныне технический университет). Работа по формированию книжного фонда под руководством историка и знатока библиотечного дела, каким являлся Манассеин, велась успешно. В 1935 г., когда отмечалось пятилетие института и, соответственно, библиотеки, ее фонд составлял 75 000 томов⁵⁵. По этому поводу в юбилейном номере газеты «Горняк за учебой» от 29 мая была помещена статья с кратким очерком о библиотеке. А в газете «Правда» от 3 июня того же года в телеграмме из Иркутска относительно первого пятилетия существования горного института, между прочего, было отмечено, что «институт имеет прекрасную техническую библиотеку»⁵⁶. В должности директора Манассеин оставался до времени ареста, 22 августа 1937 г. Год провел в тюрьме. Обвинен по ст. 58-6 УК РСФСР. Приговорен Комиссией НКВД СССР и Прокуратурой СССР 28 августа 1938 г. к расстрелу. Постановление не было приведено в исполнение: Владимир Сергеевич умер 27 августа 1938 г. в больнице Иркутской тюрьмы, накануне расстрела.

Во второй половине 1950-х гг. сын В.С. Манассеина Юрий обратился с заявлением о реабилитации отца. В письме также го-

ворилось: «У отца моего имеется ряд научных работ по истории Сибири вообще и г. Иркутску в частности; к работам приложены документы, редкие фотографии и клише. Есть работа о библиотеке Баснине, тоже с клише и документами. Работы эти до сих пор не изданы, из-за репрессии Манассеина. Иркутская фундаментальная Научная библиотека государственного университета им. Жданова, основателем, в свое время, и директором которой был мой отец, со своей стороны просила меня подать настоящее заявление с надеждой на реабилитацию, хотя и посмертную, которая дала бы ей возможность издать его работы. Библиотеку особенно интересует работа о Баснине»⁵⁷.

9 мая 1958 г. Владимир Сергеевич Манассеин Определением Военного трибунала ЗабВО реабилитирован⁵⁸.

В 1930 г., заполняя личную карточку, Владимир Сергеевич на вопрос «Какая специальность является основной?» коротко ответил: «Библиотечное дело и история», Очень кратко и очень емко. Заметим, не юриспруденция (право), магистром в области которой он был, а именно библиотечное дело, то есть ее величество книга. Немыслима без книги и история, которой он занимался еще со времени службы в армии. В этом была вся его жизнь. Очень точно оценил Владимира Сергеевича известный ученый Марк Константинович Азадовский: «... в лице В.С. Манассеина мы имеем не только выдающегося библиотечного деятеля, но и исследователя-краеведа, автора ряда работ по местной истории и местной экономике».

Примечания

¹ Манассеин В.С. Иркутск в первой половине XIX столетия / публ. и прим. А. Гаращенко // Земля Иркутская. 1999. № 11. С. 93–98; Гаращенко А.Н. В.С. Манассеин: материалы к биографии // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: материалы региональной научно-практической конференции «Золотое десятилетие иркутского краеведения: 1920-е годы». Иркутск, 2000. Ч. I. С. 118–122.

² Материалы о В.С. Манассеине см.: Майдачевский Д.Я. Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследований и идей. Иркутск, 2006. С. 122–123, 132–141, 147; Пешкова В.К. Слово о первом директоре (Владимир Сергеевич Манассеин) // Вестн. Науч. б-ки Иркут. гос. ун-та. Иркутск, 2004. Вып. 5. С. 98–107.; Арская З.П. Директор библиотеки — это Вам не шутки! / З.П. Арская, И. А. Василькова, Т.А. Клемен-

кова // Работаем на будущее: юбилейный сб. ст. / НТБ ИрГТУ. Иркутск: НТБ ИрГТУ, 2005. С. 16–27; Соломон Е.Ш. Страницы истории вуза и его библиотеки в лицах // Вестн. Науч. б-ки Иркут. гос. ун-та. Иркутск, 2009. Вып. 9. С. 65–74; Его же. Профессионал. — Режим доступа: http://www.istu.edu/export/sites/istu.v3/ru/society/zerkalo/download/z28_2009.pdf.

³ Манассеин В.С. Книжные собрания Иркутска в XVIII и первой половине XIX столетия // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. Новосибирск, 1969. С. 114–145.

⁴ Николаев В.А. Библиографы Сибири и Дальнего Востока: библиографический словарь. Новосибирск, 1973. С. 77–78.

⁵ Гольдфарб С., Щербаков Н. Иркутский государственный университет. 1918–1998. Хроника событий. Иркутск, 1998. С. 466.

⁶ Фамилия «Манассеин» в разных источниках пишется по-разному: с одной или двумя «с». Мы принимаем ее написание в таком варианте, как писал сам В.С. Манассеин.

⁷ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.р-610, оп. 3, д. 1299, л. 145.

⁸ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц, по всем учреждениям Казанской губернии, а также сословных и общественных учреждений, частных компаний и обществ на 1881 год / издал П.М. Кошкин. Казань, 1881. С. 149 2-й паг.

⁹ Памятная книжка Казанской губернии за 1889/90 год: в двух частях / издание губернского статистического комитета; составил секретарь стат. комитета В. Люстрицкий. Казань, 1890. С. 66.

¹⁰ Памятная книжка Казанской губернии за 1893/94 годы: по материалам губернского статистического комитета / составил В. Люстрицкий. Казань, 1894. Ч. 1: в двух отделах. С. 14 2-й паг., 65 2-й паг.

¹¹ Русская старина. 1905. Т. 122. № 6. С. 572–577.

¹² Николаевское инженерное училище вело свою историю от инженерной школы, которая была создана в 1804 г. и осуществляла подготовку инженерных унтер-офицеров. В 1810 г. по предложению инженер-генерала графа К.И. Оппермана школа преобразована в инженерное училище с двумя отделениями. С 1819 г. — Главное инженерное училище. В 1855 г. учебное заведение названо Николаевским, а офицерское отделение училища преобразовано в самостоятельную Николаевскую инженерную академию. Училище стало готовить только младших офицеров инженерных войск. По окончании трехлетнего курса выпускники получали звание инженерного прапорщика со средним общим и военным образованием (с 1884 г. инженерного подпоручика). Училище размещалось в Санкт-Петербурге, в Михайловском (Инженерном) замке.

¹³ ГАИО. Ф.р-1807, оп. 1, д. 2, л. 10.

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409, оп. 1, д. 163, л. 18.

¹⁵ ГАИО. Ф.р-610, оп. 3, д. 1299, л. 5.

¹⁶ Черепица В.Н. Военно-исторические исследования в частях Гродненского гарнизона во второй половине XIX–начале XX веков // Этих

дней не смолкнет слава: материалы I респ. студ. воен.-науч. конф. (Гродно, 14 февраля 2008 г.) / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: В.И. Гавроник (отв. ред.) [и др.]. Гродно, 2008. С. 7.

¹⁷ ГАИО. Ф.р-610, оп. 3, д. 1299, л. 21об.

¹⁸ Там же, л. 139.

¹⁹ Черепица В.Н. Указ. соч. С. 7.

²⁰ Петр I и Карл XII под Гродной в походе 1706 г.: (Сообщ., чит. 22-го марта 1901 г. в Гроднен. воен. собр.) / [Вл. С. Манассеин]. Гродна, 1901. 29 с.; Исторический очерк Гродненской губернии в военно-политическом отношении за первые сто лет ее существования (1802–1902) / сост. Вл. Манассеин. Гродна, 1902. С. 3–69; Крестьянский вопрос в Гродненской губернии в XIX столетии / [Вл. Манассеин]. Гродна, 1902. С. 3–85.

²¹ ГАИО. Ф.р-610, оп. 3, д. 1299, л. 145.

²² Гродненские епархиальные ведомости. 1994. Июль. № 7 (26).

²³ Венедиктов И.И. За шестьдесят лет. Воспоминания / пред. В. Манассеина // Русская старина. 1905. Т. 123. № 8. С. 253–285; № 9. С. 608–608; Т. 124. № 10. С. 39–79; № 11. С. 332–350.

²⁴ ГАИО. Ф.р-610, оп. 3, д. 1299, л. 145.

²⁵ Соломон Е.Ш. Страницы истории вуза и его библиотеки в лицах. — Режим доступа: library.istu.edu/publ/manassein2.pdf.

²⁶ ГАИО. Ф.р-610, оп. 3, д. 1300, л. 1. (Манассеин Юрий Владимирович умер 27 января 1979 г.)

²⁷ ГАИО. Ф.р-610, оп. 3, д. 1299, л. 21об.

²⁸ Там же. Ф.р-504, оп. 10, д. 115, л. 9об. (В недатированном документе архивного дела, находящемся между документами 1926 г., с названием «Список на б/б офицеров, юнкеров и чиновников военного времени, состоящих на учете при Окр. отделе ОГПУ» под № 83 значится «Манассеин Владимир Сергеевич, подполковник». В графах: «Служба в карательн. органах» и «Судимость» — ничего не указано.)

²⁹ По другим данным — по кафедре истории русского права (Казарин В.Н. Материалы Иркутских архивов как основа верификации биографий ученых-юристов Иркутского государственного университета в 1918–1931 гг. (рукопись)).

³⁰ ГАИО. Ф.р-71, оп. 1, д. 194, л. 2–2об.; Там же, д. 163а, л. 8.

³¹ Там же. Ф.р-610, оп. 3, д. 1299, л. 6–6об., 145.

³² Там же. Ф.р-1807, оп. 1, д. 2, л. 10.

³³ Там же. Ф.р-71, оп. 1, д. 163а, лл. 9–17, 58–60, 64–65.

³⁴ Там же, д. 266, л. 308–308об.

³⁵ Там же. Ф.р-610, оп. 3, д. 1299, л. 7.

³⁶ Очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по изучению истории Восточно-Сибирского края и по охране памятников местной старины (1851–1926). Иркутск, 1926. С. 32–33.

³⁷ Очерк исторической деятельности ВСОРГО за 75 лет его существования // Обзор деятельности Восточно-Сибирского отдела за семьдесят пять лет. 1851–1926. Юбилейный сборник. Иркутск, 1926 // Известия Восточно-Сибирского отдела государственного Русского географическо-

го общества. Иркутск, 1927. Т. 50. Вып. 1. С. 93. Еще раньше, в 1926 г. В.С. Манассеин заявлял: «Что касается автора настоящих строк, то он в течение последних двух-трех лет также собирает материалы по истории Иркутска. Им уже составлена, пока находящаяся в рукописи, библиография истории Иркутска от его возникновения до 60-х годов XIX столетия, а также собран и материал для этой истории за указанное время» (см.: Очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества... 1926. С. 35.).

³⁸ ГАИО. Ф.р-565, оп. 1, д. 68, л. 29. Вероятно, эта работа стала основой для статьи «Старый Иркутск. История его строительства и памятники старины», которая публикуется в настоящем сборнике.

³⁹ Сибирь в казанской периодической печати в первой половине XIX столетия (Библиографический указатель). Иркутск, 1927. С. 9.

⁴⁰ Майдачевский Д.Я. Указ. соч. С. 114.

⁴¹ Там же. С. 132–139.

⁴² Там же. С. 134–135.

⁴³ ГАИО. Ф.р-565, оп. 1, д. 107, л. 1об.

⁴⁴ Древлехранилище в настоящее время — Российский государственный архив древних актов.

⁴⁵ ГАИО. Ф.р-565, оп. 2, д. 32, л. 2–4.

⁴⁶ Отдел редкой книги Научной библиотеки Иркутского государственного университета (ОРК НБ ИГУ). № 397 (рук.).

⁴⁷ Манассеин В.С. Книжные собрания Иркутска в XVIII и первой половине XIX столетия // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. Новосибирск, 1969. С. 114–145.

⁴⁸ ОРК НБ ИГУ. № 397. Манассеин В.С. Сибирский библиофил В.Н. Баснин и его библиотека (первая половина XIX века) (рук.), л. 2.

⁴⁹ Там же, л. 4.

⁵⁰ Эта цифра указывалась в отчете Лаптева, в архивном же деле, где сохранился отчет, имеются только пять снимков.

⁵¹ ГАИО. Ф. 1055, оп. 3, д. 28, л. 320.

⁵² Там же, л. 320–323об.

⁵³ В настоящее время работа С.Н. Лаптева опубликована (Лаптев С.Н. К материалам по истории Иркутска (археологические раскопки иркутского острога в 1928 г.) / публ. и прим. А. Гарашенко // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 13–17).

⁵⁴ Манассеин В.С. Иркутский острог (историко-археологический очерк) // Известия общества изучения Восточно-Сибирского края. Иркутск, 1936. Т. I (56). С. 24–25.

⁵⁵ ГАИО. Ф.р-1807, оп. 1, д. 3, л. 73.

⁵⁶ Там же, д. 2, л. 1.

⁵⁷ Архив ФСБ по Иркутской области.

⁵⁸ Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему / редкол.: П.П. Боханов (пред.), Ю.Н. Грачев и др. Иркутск, 2002. Т. 5: Л–М. С. 371.